

Какие желания политически весомы?*

Нобелевская лекция. 11 декабря 1950 г., Стокгольм

Бертран Рассел

Август Похлёбкин

(переводчик)

Независимый исследователь

Адрес: Октябрьский проспект, д. 1А, кв. 32, г. Подольск, Российская Федерация 142117

E-mail: a.v.pokhlebkina@gmail.com

Статья представляет собой перевод на русский язык Нобелевской лекции Бертрама Рассела (1872–1970), прочитанной на церемонии вручения премии в Стокгольме 11 декабря 1950 года. В целях уточнения эмоциональной окраски речи текст перевода опирается на сопоставление двух её версий: той, что опубликована на официальном сайте Нобелевского комитета, и полученной на основе аудиозаписи. Где уместно, отмечена разница в формулировках, обозначена реакция аудитории (более 60 взрывов смеха и 5-кратное прерывание оратора аплодисментами), шумы и паузы, добавлены пояснения и примечания. В тексте отмечены фрагменты, пропущенные в одном из предыдущих русских изданий речи. Выступление Рассела посвящено политическому значению таких желаний, которые он определяет как безграничные и второстепенные с точки зрения жизнеобеспечения человека. Эти желания делятся в свою очередь на основные (стяжательство, соперничество, бахвальство и властолюбие) и дополнительные (поиск переживаний, страх, ненависть и сострадание). Рассел даёт определение каждому из этих желаний, а затем на исторических, бытовых и вымышленных примерах рассматривает особенности и формы его проявления. Желания представляются как неотъемлемая составляющая человеческой жизни, их нельзя ни подавить, ни уничтожить. Но их проявление на практике чрезвычайно различно в зависимости от того, какой выход они находят себе при том или ином общественном строе. Поэтому Рассел подчеркивает важность наличия нейтральных и социально благотворных каналов выхода эмоций. В заключении он приходит к выводу, что лучшим противоядием против социальной розни является культивирование умственного развития общества.

Ключевые слова: Бертран Рассел, Нобелевская лекция, социальная рознь, социальная сплоченность, эмоции, страсти, психология масс

© The Nobel Foundation, 1950

© Похлёбкин А. В., перевод, 2017

© Центр фундаментальной социологии, 2017

DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-138-150

* Перевод произведен по тексту, опубликованному на портале Нобелевского комитета (nobelprize.org), и сверен с оцифрованной копией аудиозаписи выступления Рассела. Фигурные скобки { } заключают фрагменты, отсутствующие в купированном анонимном переводе журнала «Юность»; двойные фигурные скобки {{ }} содержат фрагменты, присутствующие в письменной, но отсутствующие в устной версии речи, в квадратных скобках [ ] — элементы оригинала, восстановленные по аудиозаписи, в двойных квадратных скобках [[ ]] — обращение, отсутствующее и в аудиозаписи, и в печатной версии речи (предположительно из-за технического сбоя), но вставленное мной по аналогии со стандартной формой приветствия, используемой на Нобелевских мероприятиях, где присутствует глава королевской семьи.

{[[Ваше королевское величество!]]

Ваше королевское высочество!

Дамы и господа!

[Я хотел бы поговорить о том, как человеческая природа проявляет себя в политике, о мотивах, движущих массами, и о том, что определяет масштабные общественные явления.] Такую тему {{для сегодняшней лекции}} я выбрал, поскольку полагаю, что в большинстве текущих практических и теоретических рассуждений о политике её психологическую сторону недооценивают. Мы скрупулёзно описываем факты экономической жизни, статистику населения, положения конституций и т. д. Совершенно нетрудно определить, сколько человек жило в Южной или Северной Корее к началу войны между ними. Можно, заглянув в нужные книги, выяснить размер их среднего дохода на душу населения и численность соответствующих армий. Но, пожелав узнать, что за личность представляет собой кореец и есть ли сколько-нибудь заметная разница между северным корейцем и южным, чего тот и другой ждут от жизни, чем они недовольны, на что надеются, чего боятся — одним словом, что их, как говорят [американцы], «заводит», вы не найдёте ответа в справочниках. И, таким образом, нельзя сказать, хотят ли южные корейцы восторженно поддержать ООН или предпочли бы объединиться со своими северными собратьями. Как не угадать, захотят ли они обойтись без земельной реформы ради привилегии голосовать за политика, о котором они никогда не слышали. Именно пренебрежение подобными вопросами со стороны высокопоставленных мужей в далёких столицах и вызывает столь частое разочарование.} Чтобы политика обрела научные основания, а результаты её перестали быть неожиданными, наше политическое мышление обязано глубже понять мотивы человеческих действий. Как голод влияет на восприятие лозунгов? Как оно варьируется с изменением калорийности диеты избирателя? Если один человек предложит вам демократию, а другой мешок с зерном, то на какой стадии истощения вы предпочтёте зерно праву голоса? [Смех. Рассел прокашливается.] Над подобными вопросами задумываются слишком мало. {Но давайте на время забудем о корейцах и подумаем о людях. [Смех аудитории, сдавленный смехок Рассела.]

Людей ко всякой их деятельности подталкивают желания. Существует в корне неверная теория, продвигаемая некоторыми рьяными моралистами, будто ради долга и нравственности желание можно подавить. Я утверждаю, что это неверно, не потому, что никто никогда не повинуется чувству долга, а потому, что чувство долга не имеет ни малейшей власти над человеком, не *желающим* ему следовать. Чтобы узнать, как поступят люди, необходимо знать не только и не столько их материальные условия, сколько всю систему их желаний и относительную силу оных.

Некоторые желания, хоть и очень мощные, как правило, не имеют политического¹ веса. Большинство мужчин в определённый период своей жизни хотят

---

1. В книге слово «политического» выделено курсивом.

жениться, но удовлетворить это желание они могут, как правило, не прибегая к политическим мерам. [Смех.] Бывают, разумеется, и исключения. [Бурный смех.] Примером тут может служить похищение сабинянок. [Смех.] Как и то, что в северной Австралии нежелание энергичных молодых мужчин, занятых на тяжёлых работах, полностью лишиться женского общества сильно тормозит экономическое развитие региона. Но это редкие случаи, а в целом интерес, который мужчины и женщины питают друг к другу, не особо влияет на политику.}

Желания, обладающие политическим весом, можно разделить на первичные и вторичные. В первичную группу входит желание предметов жизненной необходимости: еды, жилья, одежды. Когда подобных вещей остро не хватает, нет предела тем усилиям, которые люди предпримут, или насилью, на которое они пойдут, в надежде их обеспечить. [Рассел кашляет.] Исследователи древнейшей истории утверждают, что засуха на Аравийском полуострове четырежды заставляла население этого края мигрировать в соседние страны, что имело колоссальные политические, культурные и религиозные последствия. Последней из этих четырёх миграций был подъём ислама. Схожие мотивы побуждали постепенное перемещение германских племён с Юга России² в Англию, а оттуда в Сан-Франциско. [Смех. Рассел откашливается.] Поиск пропитания, несомненно, был и остаётся одной из основных причин великих политических событий.

Но в одном очень важном отношении человек отличается от прочих животных, а именно в том, что {{некоторые из}} его желаний никогда нельзя удовлетворить полностью, они, так сказать, беспредельны и лишат его покоя даже в раю. Удав, наевшись, засыпает и спит, пока не проголодается. Люди в большинстве своём — не такие. [Смех.] Когда арабы, привыкшие обходиться горсткой фиников в день, овладели богатствами Восточно-Римской империи и поселились во дворцах почти невероятной роскоши, они не впали из-за этого в бездельность. Ими уже не мог двигать голод, ибо стоило лишь кивнуть, и рабы-греки подавали изысканнейшие яства. Но иные желания продолжали побуждать их к действию — а именно четыре, которые можно обозначить как стяжательство, соперничество, бахвальство и властолюбие.

Стяжательство — желание владеть как можно большим количеством благ или правом на оные — является движущей силой, которая, я полагаю, происходит из сочетания страха с жаждой предметов первой необходимости. Однажды я подружился с двумя девочками из Эстонии, которые до того чуть не погибли во время голода. Они стали жить в моей семье и, естественно, ели досыта. Но весь свой досуг они проводили, бегая на соседние фермы и воруя там картошку, которую они тайком запасали. Испытавший в детстве острую нищету Рокфеллер³, повзрослев, вёл себя сходным образом. [Бурный смех. Рассел откашливается.] Так же и предводители арабов, возлегая на шёлковых византийских диванах, не могли позабыть

2. Имеется в виду междуречье Днестра и Днепра.

3. Рокфеллер Джон Дэвисон-старший (Rockefeller John Davison Sr.) (1839–1937), первый долларовый миллиардер.

пустыню и запасали сокровища сверх всякой физической необходимости. Но какова бы ни была психологическая подоплёка стяжательства, нельзя отрицать, что это, особенно среди людей влиятельных, одна из мощных побудительных сил, ибо, как я уже говорил, она относится к категории беспредельных. Сколько бы благ вы ни обрели, вам всегда захочется ещё. Насыщение останется вечно ускользающей мечтой.

{Но стяжательство, даже будучи мотором капиталистической системы, ни в коем случае не является сильнейшей из движущих сил, способных пережить утоление голода.} Соперничество — куда сильнее. Раз за разом в истории магометан династии обрывались, поскольку сыновья султана от разных матерей не могли прийти к согласию, и следующая за этим гражданская война приводила к общему краху. То же самое происходит и в современной Европе. Когда британское правительство весьма непредусмотрительно позволило кайзеру присутствовать на смотре флота в Спитхедде, мелькнувшая в его голове мысль никак не соответствовала тому, что ему хотели внушить. [Смех.] Ему подумалось: «Мне нужен флот не хуже, чем у бабушки⁴». [Бурный смех.] И эта мысль — источник всех наших последующих несчастий. [Смех. Рассел прокашливается.] Мир был бы счастливее, чем ныне, будь стяжательство всегда сильнее соперничества. Но на деле очень многие люди с радостью обеднеют, если сумеют тем самым добиться полного разорения соперника. Отсюда — действующие ставки [подходного] налога. [Бурный смех.]

Бахвальство — движущая сила колоссальной мощи. Любой, кому приходилось иметь дело с детьми, знает, как они, постоянно вытворяя что-нибудь, привлекают к себе внимание. «Посмотри на меня!» — это одно из основополагающих желаний человеческого сердца. Оно может принимать бесчисленные формы: от фиглярства до стремления к посмертной славе. [Рассел делает выжидательную паузу, прокашливается. Аудитория после мгновенной задержки смеётся.] Когда в Италии эпохи Возрождения священник спросил одного умирающего мелкого князя, раскаивается ли он в чём-либо, тот ответил: «Конечно. В одном. Как-то раз меня одновременно посетили император и Папа⁵. Я отвёл их на смотровую башню, чтобы показать им вид на окрестности, и упустил возможность столкнуть вниз обоих, [Смех.] чем мог бы навеки прославиться». [Бурный смех.] {История умалчивает, получил ли он отпущение. [Смех. Рассел прокашливается.] Одна из проблем с бахвальством состоит в том, что оно растёт по мере своего удовлетворения. Чем больше о вас говорят, тем больше вам хочется, чтобы о вас говорили. [Осуждённый убийца... как мне рассказывали... у меня нет личного опыта...] [Смех.] Осуждённый убийца, которому дадут возможность прочитать заметки прессы о своём суде, возмутится, если обнаружит газету, описавшую процесс недостаточно подробно. И чем больше он узнаёт о себе из других газет, тем больше он возмущается той, чьи заметки скудны. Политики и писатели подпадают под то же правило. [Редкий смех.] И чем известнее они становятся, тем труднее агентствам мониторинга прессы их

4. Германский кайзер Вильгельм II приходился внуком британской королеве Виктории.

5. Имеется в виду император Священной Римской империи германской нации и Папа римский.

удовлетворить.} Практически невозможно преувеличить влияние бахвальства на людей независимо от возраста и общественного положения: от трёхлетнего ребёнка до властелина, одним движением бровей приводящего мир в трепет. {Даже Богу, которого люди воображают алчущим непрерывного восхваления, человечество кощунственно приписало желания, подобные собственным. [Рассел ждёт реакции, аудитория отвечает отдельными робкими смешками.]}

Но сколь бы велико ни было влияние рассмотренных движущих сил, существует ещё одна, перевешивающая все остальные. Я имею в виду властолюбие.} Властолюбие очень схоже с бахвальством, но {{это}} никоим образом не то же самое. Бахвальству для реализации нужен почёт, а почёт легко обрести и без власти. В США наибольшим почётом пользуются кинозвёзды, но их легко может поставить на место Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, [Бурный смех.] которая никаким почётом не пользуется. [Бурный смех.] [В Англии...] В Англии у короля больше почёта, чем у премьер-министра, но у премьер-министра больше власти, чем у короля. Почёт многие предпочитают власти, но в целом такие люди в меньшей степени влияют на ход событий, чем те, кто предпочитает власть почёту. Когда Блюхер⁶ в 1814 году увидел дворцы Наполеона, он воскликнул: «Ну не глупо ли было, имея всё это, ринуться на Москву?!» [Неуверенный смех.] Наполеон, определённо не лишённый желания блеснуть собой, при необходимости выбирать предпочитал власть. Блюхеру этот выбор казался глупым. Властолюбие, как и бахвальство, ненасытно. Утолить его полностью нельзя ничем, что не дотягивает до всемогущества. А коль скоро этот порок свойственен главным образом энергичным людям, масштаб воздействия властолюбия совершенно несоразмерен тому, как часто оно встречается. В жизни влиятельных людей эта движущая сила является воистину наисильнейшей.

Властолюбие резко возрастает с опытом распоряжения властью, что в равной степени применимо и к мелкой власти, и к самодержавной. В счастливые времена до 1914 года, когда состоятельные дамы могли обладать сонмом слуг, их наслаждение от помывкания прислугой с возрастом неуклонно нарастало. [Отдельные смешки.] {Сходным образом при любом авторитарном режиме власти предержавшие по мере вхождения во вкус повелевания становятся всё более тираничны.} Поскольку власть над людьми проявляется в принуждении их к действиям, которых те предпочли бы избежать, человек, движимый властолюбием, в большей степени склонен причинять боль, чем допускать удовольствие. Если вы, имея уважительную причину, попросите начальника об отгуле, его властолюбие найдёт больше удовлетворения в отказе, чем в разрешении. Если вам нужно разрешение на проведение строительных работ, соответствующий мелкий администратор очевидно получит больше удовольствия, сказав «Нет», чем сказав «Да». [Отдельные смешки.] Именно подобные явления и делают властолюбие опасным.

---

6. Гебхард Леберехт фон Блюхер (Gebhard Leberecht von Blücher) (1742–1819) — прусский фельдмаршал, участник Наполеоновских войн, победитель при Ватерлоо.

{Но у него есть и другие, более желательные стороны.} Стремление к знанию, я думаю, движимо в основном властолюбием. Как и весь прогресс в научных технологиях. Да и в политике [властолюбие играет гигантскую роль:] у реформатора его может быть не меньше, чем у деспота. Было бы совершенно ошибочно всецело порицать властолюбие как движущую силу. Приведёт ли она к благотворным действиям или к пагубным, зависит от общественного строя и вашей функции. Исполняя функции теоретика и техника, вы приумножите знания и умения, и ваша деятельность будет, как правило, благотворна. В политической карьере вами может⁷ двигать властолюбие, но, как правило, оно сливается с желанием осуществить некое положение вещей, которое вы по той или иной причине предпочитаете сложившемуся. {Великому генералу вроде Алкивида может быть совершенно безразлично, на чьей стороне он воюет, но большинство генералов предпочитают сражаться за собственную страну и, следовательно, помимо властолюбия имеют дополнительные побудительные мотивы. Политик может, чтобы всегда быть с большинством, постоянно перебегать из одного лагеря в другой, [Смех.] но большая часть политиков предпочитает одну партию прочим и подчиняет своё властолюбие этому предпочтению.} Некоторые типы людей демонстрируют властолюбие практически в чистом виде. Один из таких типов — солдат удачи, высшим примером которого является Наполеон. {Я думаю, что у Наполеона не было каких-либо идейных оснований предпочитать Францию Корсике. Но стань он императором Корсики, он не был бы столь же великим человеком, каким стал, прикинувшись французом. Однако подобные люди не представляют собой идеально чистого образца властолюбия, поскольку и бахвальство доставляет им колоссальное удовлетворение. Чистейшим типом властолюбца является серый кардинал — сила, скрывающаяся за тронem и никогда не появляющаяся на публике, которая всего лишь утешает себя тайной мыслью: «А марионетки-то и не знают, кто кукловодит!»} Барон Гольштейн, контролировавший внешнюю политику германской империи с 1890 по 1906 годы, выражает этот тип в совершенстве. Он жил в трущобе, никогда не появлялся в обществе, избегал встречи с императором за исключением одного случая, когда нельзя было отбиться от назойливости монарха. Он отклонял все приглашения на дворцовые приёмы на том основании, что у него не было подходящей одежды. Завладев секретами, позволявшими ему шантажировать канцлера и многих приближённых кайзера, он пользовался добытой шантажом властью не для обогащения и не для того, чтобы прославиться или получить какую-либо иную очевидную выгоду, но *лишь* для принуждения к принятию того внешнеполитического курса, который считал верным. {На Востоке подобные личности были не так уж редки среди евнухов.

Сейчас я подхожу к тем движущим силам, которые, хоть в некотором смысле и не столь ключевые, как те, что мы уже рассмотрели, всё равно существенно весомы. Первой из них является жажда переживаний.} Люди выражают своё превос-

---

7. В книге «может» выделено курсивом.

ходство над зверьми способностью скучать, [Смех. Рассел откашливается.] хотя, глядя на обезьян в зоопарке, я порой думаю, что и у них, пожалуй, есть начатки этой утомительной эмоции. [Смех.] Как бы то ни было, опыт показывает, что избавление от скуки почти у всех людей представляет собой одно из очень мощных желаний. Когда белые люди впервые вступают в контакт с какими-нибудь не испорченными цивилизацией дикарями, они предлагают тем разнообразные блага — от света Евангелия до тыквенного торта. [Отдельные смешки.] Однако оные, как бы мы о том ни жалели, большинство дикарей приемлет равнодушно. [Отдельные смешки.] Что из наших подношений они ценят по-настоящему, так это дурмящий напиток, [Отдельные смешки.] позволяющий им впервые в жизни на мгновение ощутить иллюзию, будто живым быть лучше, чем мёртвым. [Бурный смех.] До контакта с бледнолицыми краснокожие курили свои трубки не как мы, спокойно, а бешено — затягиваясь резко, до потери сознания. Когда никотиновый дурман сходил на нет, к ним взывал патристичный оратор и вводил их в атаку на соседнее племя, что давало им ту же радость, какую мы (в зависимости от темперамента) получаем {{на скачках⁸}} или на парламентских выборах. [Смех. Рассел прокашливается.] Удовольствие от азартных игр состоит почти исключительно в переживаниях. Миссионер-иезуит мсье Гюк⁹ описывает, как зимой у Великой стены китайские купцы проигрывали сначала все свои наличные, затем товары и, наконец, собственную одежду, выходя в степь голыми умирать от холода. Я думаю, что и у цивилизованных народов, и у первобытных индейцев именно жажда переживаний заставляет население аплодировать началу войны. Эмоция тут точно та же, что и на футбольном матче, хотя последствия бывают посерьёзнее.

Непросто решить, в чём первопричина жажды переживаний. Я склонен полагать, что наш духовный склад приспособлен к той стадии развития, на которой люди жили охотой. Когда мужчина в надежде поужинать проводил свой день, преследуя с копьём оленя, а к вечеру, триумфально затащив его тушу в пещеру, довольный падал от усталости, пока жена разделявала и готовила мясо. Хотелось спать, кости ныли, а запах приготовления пищи заполнял каждый закуток его сознания. Наконец, поев, он погружался в глубокий сон. В подобной жизни ни времени, ни энергии для скуки не оставалось. Но когда он занялся земледелием, взвалив все тяжёлые полевые работы на жену, [Бурный смех.] у него появилось время поразмыслить о суетности бытия, [Бурный смех.] придумать мифы и философские системы [Бурный смех.] и помечтать о загробной жизни, {{в которой он будет вечно охотиться на}} вепря Вальхаллы. Наш духовный склад соответствует жизни, сопряжённой с крайне тяжёлым физическим трудом. Будучи моложе, я проводил каникулы в пешеходных походах. Я проходил {{по сорок километров в день,}} и к вечеру мне не нужно было никаких развлечений, так как наслаждения присест с лихвой хватало. [Смех.] Но вести современную жизнь согласно этим физически изнурительным принципам нельзя. Львиная доля работы — сидячая, а

8. В аудиозаписи вместо скачек в качестве примера приведён бейсбол.

9. Гюк Эварист Регис (Régis Évariste Huc) (1813–1860) — французский миссионер и путешественник.

большая часть физического труда вовлекает лишь несколько профильных мышц. Когда [лондонские] толпы собираются на Трафальгарской площади поприветствовать ликованием решение правительства отправить собравшихся на убой, [Бурный смех.] им вряд ли бы это удавалось, пройди каждый митингующий по сорок километров в этот день. [Бурный смех.] Однако такое лекарство от агрессивности непрактично, [Смех.] и ради выживания человечества — цели, быть может, и напрасной — [Смех.] необходимо как-то иначе обеспечить безвредный выход неиспользованной физической энергии, питающей жажду переживаний. И моралисты, и реформаторы общества слишком мало задумываются над этим вопросом. {Реформаторы полагают, что есть вещи и посерьёзнее. Моралисты, с другой стороны, шокированы серьёзностью дозволенных отдушин жажды переживаний. [Отдельные смешки.] Серьёзными, по их мнению, эти отдушины нужно считать из-за их греховности. [Смех.] Студии танцев, кинозалы, джаз — всё это, если верить ушам, врата ада, и лучше нам сидеть дома, размышляя о душевном спасении. [Смех.] Я нахожу, что я не в силах безоговорочно согласиться [Смех.] [...безоговорочно согласиться] с мрачными мужами, изрекающими подобные предостережения. [Смех.] У сатаны множество обличий: одни для искушения молодых, другие — для старых {{и ревностных}}. Если именно дьявол соблазняет молодых весельем, то разве не он же убеждает пожилых осуждать веселье молодёжи? [Рассел откашливается. Смех.]} Разве осуждение не представляет собой лишь пристойную в пожилом возрасте форму переживания? [Бурный долгий смех, переходящий в аплодисменты.] Разве оно не наркотик, который для получения желаемого эффекта нужно, как опиум, принимать во всё больших дозах? [Смех.] Не следует ли опасаться, что, начав с осуждения кино, мы шаг за шагом перейдём к осуждению противоположной политической партии, италяшек, латиносов, раскосых — короче, [почти] всех, кроме людей собственного круга? [Смех.] Именно подобные осуждения, становясь массовыми, и приводят к войнам. Я ни разу не слышал о войне, начавшейся со студии танцев. [Одиночный хлопок, за которым следует общий смех.]

Серьёзной стороной жажды переживаний является то, что многие формы её утоления разрушительны. Они разрушительны у тех, кто не в состоянии обуздать свою тягу к алкоголю или к азартным играм. Они разрушительны, когда приобретают форму погромов. И они в высшей степени разрушительны, когда приводят к войнам. Эта жажда настолько фундаментальна, что обязательно найдёт себе [вре...] вредные выходы вроде вышеназванных, если наготове нет безобидных. Безобидные выходы в настоящее время можно найти в спорте и в политике, пока та проходит в конституционных рамках. Но этого недостаточно, особенно в силу того, что наибольшие переживания доставляет именно тот тип политики, который как раз наиболее вреден. Цивилизованная жизнь стала слишком пресной, и для поддержания стабильности ей нужно давать безвредные выходы тем влечениям, которые наши далёкие предки удовлетворяли охотой. В Австралии, где зайцев не счесть, а людей не сыскать, [Смех.] я видел, как всё население удовлетворяет своё

первобытное влечение первобытным же способом, мастерски истребляя зайцев тысячами. Но в Лондоне или Нью-Йорке, где не счесть людей и не сыскать зайцев, [Бурный смех.] утолять первобытные влечения нужно иначе. [Смех.] Я думаю, что в каждом мегаполисе нужно держать искусственные водоскаты, по которым можно будет спускаться на очень хрупких каноэ, [Бурный смех.] а также бассейны с механическими акулами. [Смех.] Каждого, кто станет агитировать в пользу превентивной войны, нужно приговаривать плавать по два часа в день с этими высокотехнологичными монстрами. [Бурный смех, аплодисменты.] Ну а если серьёзно, то нужно приложить немало усилий к созданию условий для того, чтобы жажда переживаний находила созидательный выход. На свете нет переживания более острого, чем момент неожиданного открытия или изобретения, и испытать его может гораздо большее число людей, чем иногда полагают.

Многие политические влечения сплетаются с ещё двумя тесно связанными между собой страстями, к которым, увы, склонны люди, а именно — со страхом и ненавистью. Ненависть к тому, чего мы боимся, естественна, и часто, хоть и не всегда, мы боимся того, что ненавидим. Я думаю, что в отношении людей первобытных можно принять за правило, что они и боятся, и ненавидят всё, что им незнакомо. У них есть родное стадо, изначально очень небольшое. Внутри него, если нет конкретной почвы для неприязни, все — друзья. Прочие стада представляют собой действительного или потенциального врага. Любого одиночку, случайно отбившегося от своего стада, убивают. В целом же чужие стада либо избегают, либо атакуют — по обстоятельствам. Именно такое первобытное правило до сих пор властвует над нашим инстинктивным отношением к зарубежным нациям. Ни разу не выезжавший за границу человек смотрит на всех иностранцев, словно дикарь на членов чужого стада. Но человек, много путешествовавший или поднаторевший в международной политике, понимает, что для собственного процветания его стаду необходимо в известной степени слиться с другими. Если {{вы англичанин и}} кто-нибудь заявит вам, что французы нам — братья, вашей инстинктивной реакцией будет: «Что за чушь! Они же всё время жестикулируют, да ещё и лопочут не по-нашему! [Смех.] Я слышал, они даже лягушек едят». [Приглушённые смешки.] Но если этот человек объяснит вам, что нам, возможно, придётся воевать с русскими, а оборону в этом случае неплохо бы организовать по линии Рейна, а для этого без помощи французов не обойтись, до вас начнёт доходить, что он имел в виду, утверждая, что французы — наши братья. [Смех.] Но если бы какой-нибудь подпевала коммунистов добавил бы к этому, что и русские нам — братья, он без явной угрозы марсианского завоевания вас бы не убедил. [Смех.] Мы любим тех, кто ненавидит наших врагов, и не будь у нас врагов, мы [не научившись более щедрому и открытому темпераменту, чем у большинства современников,] будем любить очень немногих.

Однако всё это верно лишь до тех пор, пока мы затрагиваем исключительно отношение к другим людям. Но в качестве противника можно рассматривать и почву, коль скоро та неохотно отдаёт скудное пропитание. Можно считать против-

ником и природу как таковую и смотреть на жизнь как на стремление одержать верх над силами природы. Если бы люди смотрели на жизнь подобным образом, организовать сотрудничество всего человечества было бы легче. А людей без труда можно было бы склонить смотреть на жизнь подобным образом, если бы школы, пресса и политики посвятили себя этой цели. Но школы настроены воспитывать патриотов, пресса — подогревать страсти, а политики — быть переизбранными. [Смех.] Поэтому ни одна из этих трёх сил не в состоянии сделать что-либо для удержания рода людского от взаимоистребления.

Существуют два способа преодоления страха: уменьшение внешней угрозы и воспитание выдержки. В случаях, не требующих безотлагательных действий, последнее можно подкрепить, отвлекая мысли от источника страха. Преодоление страха — задача чрезвычайно важная. Страх сам по себе унизителен, но, кроме того, он легко становится навязчивым состоянием, порождает ненависть к тому, чего бояться, и напрямую поощряет избыточную жестокость. Ничто не влияет на человека столь благотворно, как защищённость. Если удастся установить такую систему международных отношений, при которой исчезнет угроза войны, повседневная психика обычных людей улучшится кардинально и очень быстро. В настоящее время мир омрачён страхом. Размахивание атомной и бактериологической бомбой злыми коммунистами — или, по ситуации, злыми капиталистами — заставляет трепетать Вашингтон и Кремль и подталкивает людей всё ближе и ближе к пропасти. Изыскание способа ослабить страх является первым и ключевым шагом, дабы положение дел улучшилось. В настоящее время мир погружён в конфликт соперничающих идеологий, а одним из явных факторов разжигания конфликта является стремление к победе нашей собственной идеологии и к поражению чужой. Мне кажется, что питающая конфликт сила не сильно связана с содержанием идеологий. Я полагаю, что идеологии — лишь способ объединить людей в группу, а возникающие при этом страсти — те же, что всегда возникают при групповом соперничестве. Конечно, есть немало причин ненавидеть коммунистов. Во-первых и прежде всего, мы убеждены, что они хотят отнять нашу собственность. Но того же хотят и воры-домушники. И хотя мы осуждаем домушников, наше отношение к ним на деле сильно отличается {{от отношения к коммунистам. Главным образом,}} потому что они не внушают той же степени страха. Во-вторых, мы ненавидим коммунистов, потому что они неверующие. Но китайцы с одиннадцатого века живут без религии, а ненавидеть их мы стали только, когда они изгнали Чан Кайши. [Бурный смех.] В-третьих, мы ненавидим коммунистов за то, что они не придерживаются демократии, но мы считаем, что это не основание, чтобы ненавидеть Франко. [Смех, аплодисменты.] В-четвёртых, мы ненавидим их, потому что они не допускают свободы. В этом мы так твёрдо убеждены, что сами решили им уподобиться. [Долгий смех, бурные аплодисменты.] Ясно, что ничто из вышеперечисленного не составляет реальной основы нашей ненависти. Мы ненавидим их, потому что они угрожают нам и мы их боимся. Даже если бы русские, как и прежде, исповедовали православие, введя у себя парламентское правление

и обладая совершенно свободной прессой, которая бы ежедневно поносила нас на чём свет стоит [Смех.], то и тогда — при условии, что их вооружённые силы сохранили бы свою нынешнюю мощь — мы всё равно бы их ненавидели, будь у нас основания подозревать у них враждебные намерения. {Остаётся, разумеется, и отвлечение к иноверцам, которое вполне может лежать в основе враждебности. Но это, мне думается, продолжение стадного чувства: человек, исповедующий иную веру, воспринимается как чужой, а всё чужое как опасное.} На деле идеологии представляют собой один из способов формирования стада, психология которого примерно одинакова вне зависимости от того, как именно в него сгоняют.

{{У вас могло сложиться ощущение}}¹⁰, что я допускаю лишь негативные мотивы поведения или в лучшем случае морально нейтральные. Боюсь, что, как правило, таковые мощнее более бескорыстных мотивов, но я не стал бы отрицать, что и бескорыстные мотивы существуют и временами демонстрируют свою действенность. Агитация против рабства, шедшая в Англии в начале XIX века, была, несомненно, бескорыстной и абсолютно успешной. Её бескорыстие доказывает как то, что в 1833-м британские налогоплательщики выплатили многие миллионы фунтов стерлингов ямайским плантаторам как возмещение за освобождение рабов, так и то, что на Венском конгрессе британское правительство было готово пойти на важные уступки, лишь бы поощрить другие нации отказаться от работорговли. Это пример из прошлого, но современная Америка даёт столь же замечательные примеры. Я не стану их описывать, поскольку не хочу погружаться в текущие споры.}

Думаю, не следует сомневаться в том, что сострадание может побуждать к действию и что от чьих-то чужих страданий кому-то когда-то становится как-то не по себе. [Смех.] {Многие достижения человеколюбия за последние несколько веков были осуществлены именно благодаря состраданию.} [Один из слушателей прокашливается.] Ныне рассказы о жестоком обращении с душевнобольными шокируют нас, и во многих приютах с ними уже обходятся гуманно. Заключённых западных стран не должны подвергать пыткам, а обнаружение случаев пыток вызывает общественное возмущение. Мы не одобряем, когда с сиротами обращаются, как в «Оливере Твисте». В протестантских странах осуждают истязания животных. Во всех этих случаях сострадание оказывалось политически действенным. С исчезновением страха перед войной оно станет ещё действеннее. Возможно, лучшее, на что может надеяться человечество, это найти способы расширить сферу человеческого сострадания и умножить его силу.

{Пора подытожить сказанное.} Политику интересуют не столько отдельные личности, сколько стада, а следовательно, вес в политике имеют те страсти, в которых члены одного стада могут испытывать схожие чувства. Общим инстинктивным правилом, на котором зиждется любая политическая надстройка, является правило сотрудничества внутри стада и враждебности к прочим стадам. Сотруд-

---

10. В аудиозаписи: вы могли бы сказать.

ничество внутри стада никогда не идеально. Всегда существуют «вопиющие», то есть не попадающие в унисон с общей массой, особи. Это те, кто опустился ниже или поднялся выше обычного уровня. К таковым относятся: слабоумные, преступники, пророки и первооткрыватели. [Смех.] Умное стадо найдёт, как проявить терпимость к эксцентричности поднявшихся выше среднего уровня и как свести к минимуму нетерпимость к опустившимся ниже.

Что касается отношений с другими стадами, современные технологии создают противоречие между инстинктом и собственной выгодой. В былые времена на войне одно племя истребляло другое, а территорию захватывало. С точки зрения победителя, дело обстояло более чем удовлетворительно. [Смех.] Убийства были недорогими, а переживания — приятными. [Одиноким разряд смеха.] Неудивительно, что в таких условиях войны шли постоянно. К сожалению, наш эмоциональный склад по-прежнему адаптирован к подобной первобытной войне, тогда как реальный порядок её ведения полностью изменился. В современной войне убийство врага обходится очень дорого. Можно, посчитав сколько немцев было убито в последней войне и сколько налогов пришлось уплатить на это победителям, сложением и делением получить цену мёртвого немца. [Смех.] Она окажется немаленькой. На Востоке, правда, враги немцев сохранили за собой старое преимущество изгнания побеждённого населения и занятия его земель. За западными победителями, однако, подобных преимуществ не сохранилось. Очевидно, что с финансовой точки зрения современная война — бизнес невыгодный. Мы, хотя и выиграли обе мировых войны, были бы сейчас намного богаче, если бы их не произошло. [(По меньшей мере так дело обстоит в Англии.)] Если бы люди исходили из собственной выгоды, чего они, за исключением отдельных праведников, не делают, [Рассел на мгновение замедляет речь в ожидании реакции аудитории, но, не почувствовав её, быстро продолжает.] [все люди на Земле...] [Аудитория запоздало реагирует смехом.] все люди на Земле сотрудничали бы. Не было бы ни войн, ни армий, ни флотилий, ни ядерных арсеналов. Не было бы ни полчищ пропагандистов, натравливающих нацию А на нацию Б, и наоборот. Не было бы полчищ чиновников на границе, запрещающих ввоз зарубежных книг и идей, пусть даже самых замечательных. Не было бы таможенных барьеров, которые обеспечивают существование многих малых предприятий там, где рентабельнее было бы одно большое. Всего этого можно было бы достичь очень быстро, если бы люди желали своего счастья столь же страстно, как желают горя своему ближнему. {Но к чему, скажете вы, все эти утопические мечтания? Моралисты позаботятся о том, чтобы мы не стремились исключительно к собственной выгоде, [Смех.] и до тех пор, пока это так, никакого хилиазма не выйдет.

Я не хотел бы заканчивать на циничной ноте. [Я не отрицаю...] [Бурный чуть запоздалый смех.] Я не отрицаю существования целей лучших, чем собственная выгода, и что некоторые люди успешно их достигают.} Я утверждаю, однако, что моменты, когда важные в политическом отношении большие массы людей могут подняться над собственной выгодой, с одной стороны, редки, а с другой — часто

возникают обстоятельства, при которых массы населения опускаются ниже того, что диктует собственная выгода, если под собственной выгодой иметь в виду просвещённое понимание своих интересов.

{И к тем ситуациям, когда люди опускаются ниже собственной выгоды, принадлежит большинство случаев, в которых они убеждены, будто действуют из идеалистических побуждений.} Многие из того, что принимают за идеализм, оказывается завуалированной ненавистью либо властолюбием. Когда вы видите большие массы людей, охваченных тем, что внешне выглядит как благородные побуждения, следует взглянуть глубже и спросить себя, что порождает эти побуждения. Исследовать психологическую подоплёку, как я только что попытался, стоит отчасти именно потому, что фасадом благородства легко обмануться. В заключение скажу, что если я прав, то главное, чего не хватает миру, чтобы стать счастливее, — это ума. [Смех.] А это, в конце концов, оптимистический вывод, [Бурный смех.] ибо для умственного развития существуют испытанные педагогические методики. [Аплодисменты.]

What Desires Are Politically Important?

Bertrand Russell

Av gust Pokhlebkin (translator)

Independent Researcher

Address: Oktiabrsky Prospekt, 1A-32, Podolsk, Russian Federation 142117

E-mail: a.v.pokhlebkin@gmail.com

The article provides a Russian translation of Bertrand Russell's Nobel lecture delivered on December 11th, 1950, at the Nobel Prize Awards Ceremony in Stockholm. The text is based on a collation of two versions of the speech, one as available on NobelPrize.org, and the other as transcribed from a 1952 recording of the same speech for an American audience. The differences in the wording of the sources are indicated. Audience reactions and Russell's non-verbal signals have also been included. The translator's comments are added to clarify the translation, to disambiguate a mentioned fact, or to identify a person. For historical purposes, parts of the text that were omitted in an earlier Russian translation are also marked. The speech deals with the political impact of the desires deemed unessential to an immediate human self-preservation and limitless in terms of their fulfillment. Of these desires, acquisitiveness, rivalry, vanity, and the love of power are classified as the main ones, while boredom, fear, hate, and compassion are classified as corollary ones. Each kind of desire is defined, and then discussed through historical, anecdotal, and hypothetical examples. Desires are seen as an integral part of human life and cannot be eliminated completely, but their practical impact differs greatly depending on the venue they are allowed to take in a particular social system. Therefore, the importance of neutral and socially beneficial venues for the venting of passions is highly stressed. In conclusion, Russell suggests the cultivation of intelligence as the best antidote for social strife.

Keywords: Bertrand Russell, Nobel lecture, social strife, social cohesion, emotions, passions, mass psychology